

НИНА ЯГОДИНЦЕВА

РОССИЯ МОЯ, РОССИЯ...

* * *

Непогода пришла, как отряд батьки Махно:
Гогоча, из горла прихлебывая,
прикладом стуча в окно,
Выгребая запасы осенние
из подвалов и с чердаков...
Да не бойсь, чего там — ноябрь всегда таков.

Если воля и холод сойдутся — родится смерть.
Ничком на овчинку неба падает степь,
Серая, бурная пустота,
Но сердце уже не обманешь — родная, та,

Где не за что ухватиться душе слепой,
Где — если заплачешь, в сердцах оборвут:
не пой!

А замерзнешь, потрянут за шиворот: встань!
Россия моя, Россия, свиданье тайн

Непостижимых! Когда по снежной стерне
Ведут, матерясь, к обрыву или к стене,
На сквозном перекрестке иных дорог
Свернут напоследок сигарку: курни, браток...

ЯГОДИНЦЕВА Нина Александровна родилась в Магнитогорске, окончила Литературный институт им. А. М. Горького, член Союза писателей России, автор нескольких поэтических книг. Лауреат премии им. Бажова.

И ты вдыхаешь дымок и не помнишь зла.
О жизни ли горевать, если все — зола?
О смерти ли, если даже махра — сыра?
Крайнему: докурите, а мне — пора.

* * *

Смотрите, спящие, смотрите же,
Как звон гуляет в граде Китеже,
Расшатывая окоем
В смятенье яростном своем!

Смотрите, если вы не слышите,
Как волны, молниями вышиты,
Идут и падают внахлест
На берег, полный сбитых звезд!

Звон поднимая до Всевышнего,
Беззвучно ратуя: услышь его! —
К востоку обратясь лицом,
Звонарь раскачивает сон.

А наяву гуляют ордами,
Глумясь над спящими и мертвыми,
И голь не срам, и стыд не дым,
И веки тяжки — невподым...

* * *

Что сердце слабое? Трепещет
Надеждой перемены мест?
Ты эмигрант, ты перебежчик,
Невозвращенец и мертвец.

Твой век не вышел из окопа.
Твой год уже полег костями.
Твой час настал — но неохота
В сырую землю, черт возьми!

И вот стоишь перед таможней
С нелепой ношей за спиной:
Со всей великой, невозможной,
Смертельно вечною страной...

* * *

Когда это было, в каком году и в каком бою?
Мне кажется иногда, что в самом раю,
Где мертвые живы и так беззащитно спят...
Где ты до сих пор над победой своей распят.

Я повзрослела рано, а ты был сед,
Как будто сверху случайно пролили свет,
Пригоршню света — прямо у той черты,
Где встретились мы и навеки остался ты.

Когда это время гостит у меня во сне,
Я снова встаю с тобою спина к спине,
И вечность проходит, и в очи не посмотреть:
Ведь если это любовь, то она же — смерть.

Откуда ты знаешь, где я живу сейчас,
Как жду я этого сна, не смыкая глаз?
Когда ты прильнешь устами к моим губам —
Я снова проснусь, а ты останешься там.

* * *

Июль идет грозой по высохшим дорогам,
Его холодный взор прорезывает тьму...
Любви на свете нет, любовь дана немногим,
Не избежать ее пожара никому.

Не молния летит в малиновую воду,
Не дерево плетет по небу письмо —
Любовь смывает плен: она сама — свобода,
Куда ни кинешь взор — кругом она одна.

Пройдя земную жизнь почти до половины,
О ней, о ней одной — смирись и замолчи!
Мы перед нею все в безумии повинны.
Мы перед нею все — слепцы и палачи.

Июль идет грозой. Он весел и разгневан,
И он — сама любовь, и оправданья нет,
Когда проходит свет между землей и небом,
Молниеносный свет, холодный чистый свет.

* * *

Целуя руки ветру и воде,
Я плакала и спрашивала: где
Душа его, в каких мирах отныне?
Вода молчала, прятала глаза,
А ветер сеял в поле голоса,
Как прежде сеял он пески в пустыне.

Когда бы знала я, в каких мирах
Его душа испытывает страх
Прошедшей жизни, тьмы ее и свету,
Я возвратила бы ее назад,
В исполненный цветенья майский сад,
Где есть одна любовь, а смерти нету...

Вода и ветер, ветер и вода...
Я выучила слово “никогда”,
Но и его когда-нибудь забуду —
Забуду, как завьюженный погост,
Где снег лежал безмолвно в полный рост,
И таял в небесах, и жил повсюду.

* * *

Выцвели бутоны полушалка,
Очи стали глубже и темней
В нищете безвыходной и жалкой,
В неизбывном страхе за детей.

Век сошел, обрушилась держава,
Хищною травой поросла —
А она терпела и рожала,
Ношу неподъемную несла,

Сберегая душу от надлома,
От пророчеств и иной чумы
Посреди ветшающего дома
В глубине почти недвижной тьмы...

Все, что мир в безумии растратил,
Горьким пеплом в пажити легло.
Потемнела ликом Богоматерь,
Опустила кроткое чело.

А она жила покорно рядом
И шептала вечное “прости”,
Каждый день лоя печальным взглядом
Взгляд с холодной лаковой доски...

* * *

Владимир. Снег. Пожаром памяти
Весь горизонт заволокло.
Одна метель стоит на паперти
И застит рукавом чело.

И только облачко дыхания
Трепещет тайно возле уст...
Прости меня, не обрекай меня
На адский пламень русских чувств!

Одна мерцающая свечечка,
Ладошкой скрытая, спасет
От наплывающего вечера,
От страшной памяти высот.

Один твой взгляд, меня жалеющий
И обвиняющий стократ,
Один вопрос немой: а где ж еще
До бела снега догорать,

Как не в России, во Владимире,
Где ты несешь домой свечу,
А я шепчу: “Прости, прости меня” —
Но быть прощенной не хочу.